

УДК-321.01

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: «СПОСОБНОСТИ» И ПЕРСПЕКТИВЫ

К. О. Телин, А. В. Полосин¹

Динамика современного политического процесса нередко заставляет исследователей поднимать вопрос о кризисе государства и неуклонном сокращении возможностей властных институтов сохранить status quo, достигнутый в двадцатом веке. В данной статье проанализированы исследования государственной состоятельности и государственных «способностей». Рассматривается вопрос о том, как изменяется сам характер государственной власти в меняющихся реалиях мировой и внутренней политики.

Ключевые слова: кризис; политическая система; способности государства; государственная состоятельность.

XX в., по мнению ряда политологов, характеризовался не только масштабной эскалацией военных конфликтов, вышедших на глобальный уровень и даже завершавшихся глобальным же противостоянием в пределах биполярной системы, но и резким усилением государственного участия в жизни общества. «Двадцатый век научил правительства править», – писал Э. Хобсбаум [24, 377]. Н. Силаев вслед за Дж. Скоттом [42] замечает, что именно к XX в. относится «возникновение современных национальных демократических государств, обладающих (...) властью как способностью править, «прорастая» сквозь общество, регулировать все больше сфер жизни, вытесняя иные регуляторные механизмы» [16, 153]. Именно в минувшем столетии государства, несмотря на утрату своего господствующего положения в политической теории, обрели беспрецедентные возможности на практике. Массовая бюрократия обеспечивала эффективный контроль над территорией, сложившиеся системы налогообложения и социализации новых граждан позволяли регулировать все большее количество жизненных сфер, а появившиеся вооружения и средства коммуникации укрепляли положение легитимных институтов насилия и «идеологических аппаратов государства» [1]. Таким образом, «прогресс и правительство шли рука об руку» [24, 377], а государство обрело существенно большее влияние в тех

---

¹ Телин Кирилл Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: kirill.telin@gmail.com. Полосин Андрей Владимирович – доктор политических наук, заведующий лабораторией исследования кризисов факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: info@polit.msu.ru.

вопросах, которые ранее были связаны с ним достаточно условно, не случайно Л. Альтюссер выделял религиозный, школьный, профсоюзный, культурный и другие «идеологические аппараты» [1].

Пик этатизма оказался не слишком устойчивым, и сегодня некогда достигнутая государством «властность» и состоятельность в качестве политического игрока подвергается постепенной эрозии. Вторая половина XX в. ознаменовалась окончательным распадом колониальных империй и «волнами демократизации», давшими жизнь десяткам новых независимых стран; даже внутри политических систем государство столкнулось с усилением конкуренции со стороны партий, общественных организаций, религиозных структур или, к примеру, «негражданского общества» (*uncivil society*) в лице криминальных структур. Дирижистские и девелопменталистские программы экономического роста, ориентированные на доминирование государства в принятии соответствующих решений, оказались вытесненными другими моделями развития. Глобализация сформировала сеть транснациональных и межгосударственных структур, существенно ограничивших прежний суверенитет отдельных стран, и данный вектор, в целом, продолжается до сегодняшнего дня: разрабатываются программы углубления интеграции в рамках Европейского союза, в дополнение к ВТО и специализированным учреждениям ООН наподобие Международного валютного фонда (МВФ) реализуются инициативы Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и пр. По выражению В.А. Никонова, «растущее число негосударственных субъектов (...) берет на себя ряд функций, ранее выполнявшихся государством» [12, 210]. Такие авторы, как П. Ханна [23], Т. Фридман [21] или Дж. Най [39], указывают на переход всей мировой политики в новое состояние, где государства, возможно, не будут иметь и десятой доли своего некогда значительного потенциала.

Вполне естественной реакцией политической философии на подобный обратный тренд является, конечно, критика эрозии государственного суверенитета, как некогда усиление государства вызывало столь же неоднозначную реакцию мыслителей. «Государство удушит окончательно всякую социальную самостоятельность, и никакие новые семена уже не взойдут», – предостерегал в 1929 г. Х. Ортега-и-Гассет [14, 113]. «Государства возвращаются к своей исходной роли основных моделей социального мира», – пишет сегодня Р. Лахман [7]. Как восхождение государства, так и его кризис вызывали серьезную озабоченность современников – от И. Канта, критиковавшего амбиции властителей, до К. Уолтца, указывающего на связь государств с современной международной системой.

Конечно, можно объяснять подобную разницу с позиций, к примеру, Р. Купера, выделяющего как минимум три современных разновидности государства – досовременные, современные и постсовременные [6] или коллектива авторов проекта «Политический атлас современности» [10], разделяющих государственных участников международных отношений на своеобразные «класте-

ры». Однако более интересной является постановка вопроса о способностях и перспективах современного государства пережить этот кризис.

Способности к выживанию

Вопрос о будущем государства представляется неразрывно связанным с уже имеющимися проблемами «мягких» [37], «слабых» [35] и «несостоявшихся» [41] стран. Отталкиваясь от этих кейсов, целый ряд авторов, таких, как Т. Пфистер, Дж. Неттл, С. Бартолини, Ч. Тилли и др. разрабатывают проблемы «состоятельности» государства (stateness). Е.Ю. Мелешкина указывает, что в трактовке «состоятельности» можно выделить как минимум два подхода: функциональный (выполнение основных государственных функций) и «консолидационный» (связь государственного аппарата с населением) [9].

Дж. Неттл, яркий представитель первого из упомянутых подходов, полагает, что состоятельность выражается в институциональной упорядоченности основных функций государства [38]. Ч. Тилли, рассматривающий функциональность с несколько иной точки зрения, полагал, что для «состоятельного» государства характерны централизованные, самостоятельные, скоординированные и дифференцированные инструменты правления [46, 32]. Для него консолидация территории государства, автономный суверенитет и признание со стороны внешних сил имели не меньшее значение, чем концентрация и аккумуляция им различных ресурсов. Еще один автор, С. Бартолини, проводит операционализацию состоятельности через способность государства формировать эффективные бюрократические структуры, консолидировать управление собственной территорией, поддерживать на ней гражданский порядок и регулировать социально-экономическое развитие [27]. В целом, по словам Е.Ю. Мелешкиной, в соответствии с этим подходом государственная состоятельность – это «способность территориальной политики обеспечивать процесс принятия и реализации обязательных для исполнения решений на своей территории и циркуляцию иных общественных благ» [9]. Как представляется, именно с этим подходом связаны разнообразные методики оценки качества государственного управления. К примеру, методология WGI (Worldwide Governance Indicators) предполагает подобную оценку через такие характеристики, как, например, качество регуляторов, эффективность правительства и верховенство права – очевидно, что к функциональному пониманию государственной состоятельности все три параметра имеют прямое отношение.

Консолидационный подход, указывающий на необходимость открытости и эффективного представительства, хорошо сформулирован Г. Бен-Дором, который подчеркивал, что состоятельность зависит от плюрализма, социальной мобильности и политического представительства [28]. «Рассмотрение государственной состоятельности влечет за собой внимание к отношениям и идентичности граждан, в частности, с их соотношением себя с государством», – пишет по этому поводу З. Элкинс [32]. Тем не менее, представляется весьма справедливым замечание Ф. Фукуямы о том, что «прежде чем получить демократию,

необходимо получить государство, пусть и для легитимного и прочного государства демократия необходима» [33, 88]. Вероятно, прочная идентификация граждан с государственными институтами необходима для эффективного суверенитета и состоятельности; тем не менее, требования демократической консолидации выглядят несколько вторично в сопоставлении с основными функциональными особенностями государства.

Еще одним направлением анализа полноценности или эффективности государства в его привычной позиции выступает исследование «государственных способностей» (state capacities / state capabilities). Под таковыми подразумеваются наиболее фундаментальные для государства функции, осуществление которых критично для его существования [44]. К. Уивер и Б. Рокман выделяют несколько таких способностей:

- задавать приоритетность общественных запросов, чтобы последние не оказывались нереализованными или чрезмерными;
- распределять ресурсы наиболее эффективным образом;
- осуществлять изменения в случае провала предшествующего курса;
- сглаживать и регулировать внутренние конфликты;
- распределять затраты и издержки между наиболее влиятельными группами;
- представлять разрозненные и меняющиеся интересы в дополнение к агрегированным и организованным;
- гарантировать эффективное внедрение решений, разработанных в рамках правительственного курса;
- гарантировать политическую стабильность для реализации решений;
- заключать и поддерживать международные торговые и военно-политические связи для обеспечения безопасности;
- регулировать социальные конфликты для предотвращения общественного раскола и гражданской войны [47].

Происходящие в политическом процессе изменения, конечно, влияют и на качество государственных способностей. Как указывает все тот же Ф. Фукуяма, уже в 1990-е гг. «недостаток государственных возможностей в бедных странах приводил к тому, что развитым странам во многих случаях приходится действовать напрямую» [22, 4]. Для многих авторов уверенность в том, что государство сталкивается с серьезными вызовами собственной состоятельности и своим базовым способностям [45], стало поводом для предположения, что сама государственность переживает определенный кризис – и это предположение, бесспорно, заслуживает особого внимания.

Кризис и стабильность

Происходящая трансформация государства, бесспорно, ставит вопрос о том, насколько сохраняют свои позиции прежние представления о его состоятельности или способностях. Изменяющиеся представления о желаемых «объемах» государства, его эффективности и целевых ориентирах развития приво-

дят к тому, что даже развитые государства с многолетней историей успешной конкурентоспособности вынуждены пересматривать свои стратегии, проводить социально-экономическую модернизацию и в буквальном смысле обновлять собственные представления о «динамических преимуществах», «сильных сторонах» и «возможностях». Так, руководство КНР, сталкиваясь с изменением позиций страны в системе международного разделения труда [11; 13], меняет ориентиры экономического развития и предлагает новые внутривнутриполитические решения; с проблемами поиска новой стратегии сталкиваются Финляндия [43], Испания [19] и другие страны.

Важно отметить, что это вовсе не означает кризиса государственности как таковой. Несмотря на весьма широкое толкование этого термина в различных источниках, кризис государственности следует понимать как ситуацию, когда происходит оспаривание ключевых элементов идентичности системы, что лишает последнюю «способности адекватно реагировать на угрозы ее существованию из-за распада институтов или неуправляемой и скоротечной трансформации структурных связей» [19]. Пожалуй, ни в одном из названных выше государств речь не идет о настолько драматичной ситуации. Даже кризис политического режима не означает кризиса государства и политической системы; такими исследователями, как, к примеру, Р. Йонг-а-Пин, сложности режима оцениваются как параметр, дестабилизирующий систему, но не синонимичный ее кризису.

Взгляды на системный кризис государственности и политической системы разнятся подчас довольно серьезно, но, вместе с тем, может быть обозначено и некое общее смысловое ядро наиболее известных концепций. Оно заключается в том, что кризис нельзя отождествлять ни с изменениями в системе, ни с ускорением социально-экономического развития, ни даже с трансформацией тех самых ключевых элементов, о которых речь шла выше: каждый из этих сценариев по отдельности может быть связан с заранее обозначенной стратегией политического развития.

Г. Экштейн [31] и Т.Р. Гарр [30] предполагали, что стабильная и устойчивая политическая система характеризуется такими параметрами, как долговечность и преемственность (1), внутренний порядок и сложившаяся институциональная сеть (2), единство управления и администрирования (3) и обоснованность и легитимность политических структур (4). А.С. Макарычев, рассматривая ту же проблематику, утверждает, что стабильность предусматривает [8, 149]:

- отсутствие политически мотивированного или нелегитимного насилия;
- способность правительственных структур к изменениям и адаптации;
- устойчивость и преемственность институционального и конституционного порядка;
- легитимность власти и поддержка населением имеющегося политического порядка;
- способность политических акторов организовывать и проводить структурные изменения;

- долговременный характер политического равновесия или баланса сил ключевых игроков;
- согласованность моделей политического поведения различных акторов;
- распространение устоявшихся и воспроизводящихся моделей политического поведения и предотвращение опасных для общества девиаций.

Вряд ли можно предполагать, что наблюдаемая сегодня трансформация государства в большинстве случаев сопровождается настолько масштабной дестабилизацией. Потеря государством одной или нескольких своих способностей еще не означает обязательного разрушения существующих структур, эскалации нелегитимного политически мотивированного насилия или полной потери доверия к правительственным институтам. Шоки и вызовы требуют от государства изменений своей стратегии, демонстрации способности меняться и приспосабливаться, возможно, отказываясь от прежних преимуществ, но нельзя вести речь о том, что государство находится в кризисе, динамику которого нельзя обуздать.

Ответом политической теории и практики на «кризис государства» нередко является консервативное стремление удержать систему в состоянии прежнего равновесия, для чего используются неэффективные и формальные инструменты [18]. Примером такого курса могут быть действия руководства Венесуэлы [2; 15]: вместо решения накопившихся социально-экономических проблем оно обвиняет оппозицию, бизнес и граждан страны в подрывной деятельности, подготовке интервенции и пр. Подобная политика, естественно, оказывается не вполне адекватной вызовам, стоящим перед государствами, ведь, по сути, задача состоит не в поиске внешних и внутренних врагов, а в выявлении тех своих параметров, которые определяют само содержание государственной политики и механизмов идентификации граждан с государством, но при этом могут быть скорректированы с учетом изменившейся обстановки. К. Даудинг и Р. Кимбер в своей теории политической стабильности [29] называют подобные параметры «идентификаторами» – фундаментальными для идентичности общества и его идеальных, желаемых представлений о собственной политической системе.

Взгляды многих исследователей стабильности укладываются в классические представления о «состоятельности»: так, К. Эйк полагает, что показателями нестабильности являются конституционные кризисы, высокий уровень политически мотивированного насилия и неспособность правительства отправлять свои [регулятивные] полномочия [26]. Тем не менее, вызывает озабоченность стремление некоторых политических режимов всячески сохранить свой имеющийся статус – ведь нередко это может оказаться не препятствием, а источником политического кризиса. Например, в Испании, положения пакта Монклоа, предопределявшие внутреннюю политику на протяжении нескольких десятилетий, сегодня видятся скорее препятствием для модернизации социальных отношений. С похожими проблемами сталкивается Китай, идентичность граждан которого находится на стыке разнородных культурных пластов, но

подвергается давлению партийных инвектив о социалистическом характере страны и диктатуре рабочего класса. В Турции стремление властей минимизировать влияние армии на политический процесс в июле 2016 г. привело к прямо противоположному результату.

Еще более опасным сценарием является попытка властей имитировать сохраняющийся *status quo* посредством масштабной стилистической архаизации и ревитализации воображаемых подчас «традиций». Такие примеры могут быть найдены в Турции («неоосманизм» А. Давутоглу и Р. Эрдогана), Ливии («джамахирия» М. Каддафи) и Венесуэле («боливаризм» У. Чавеса). Стремление ответить на объективные вызовы собственному положению посредством декоративного неотрадиционализма, скорее всего, обречено на неудачу и, даже более того, способно привести к усугублению кризисного состояния, что, к сожалению, не приводит к уменьшению попыток свести политическую дискуссию к насаждению этнонациональных и иных псевдомифов.

Перспективы и ограничения

Вероятно, достаточно сложно вывести некий общий перечень «идентификаторов» для современного государства и всех существующих в политическом пространстве сообществ. В лучшем случае, подобная универсалистская конструкция будет в известной мере раскрывать содержание «национальных интересов», но не предлагать адекватной модели взаимоотношений политических акторов и субъектов на микро- и мезоуровне. Для каждой страны и нации поиск идентификаторов представляет собой отдельную фундаментальную задачу, и в пределах настоящей статьи разрешить ее невозможно даже применительно к современной России; возможно, однако, озвучить несколько базовых принципов, которые необходимо учитывать при поиске ключевых элементов взаимодействия государства и населения.

Во-первых, в современных условиях невозможно выстраивать стабильную политическую систему (как и конкретные ее элементы, связанные с идентичностью граждан, – политику памяти, историческую политику и пр.) в одностороннем порядке, руководствуясь произвольными решениями государственного аппарата или каких-то влиятельных общественных структур. Культурно-символическое пространство, тем более в аспекте его наиболее важных составляющих, нуждается в диалоге, причем диалоге, по возможности, равноправном – а это означает, что ситуации, когда государство искусственно создает т. н. «институты гражданского общества», не могут восприниматься как стабильные и образцовые. Напротив, подобный «декоративный» подход и распространение ценностей «демокрадуры» [40] приводят к коллапсу публичной повестки и углублению кризиса представительства. По мнению некоторых авторов, это может негативно сказаться и на коллективной составляющей гражданской идентичности, поскольку в обществе могут не сформироваться группы интересов и устойчивые социальные общности [20].

Во-вторых, можно констатировать, что политическая стабильность крайне редко может быть достигнута в обществе, находящемся в состоянии экономического кризиса или принципиально не решаемых экономических проблем. Это, в известной степени, демонстрирует и пример «арабской весны», охватившей государства с серьезными демографическими сложностями и издержками «ручного управления» экономикой [5]. В.Г. Иванов и А.О. Ярославцева прямо называют устойчивое экономическое развитие одной из детерминант политической стабильности [25]; мы же вслед за их тезисом можем заметить, что мировая история практически не знает примеров успешного и долгосрочного экономического развития в условиях изоляционистской политики и тем более изоляционистской автократии [17].

В-третьих, озвученная выше посылка инклюзивности политического процесса требует от режимов, желающих остаться стабильными и, кроме того, сохранить стабильными основания политической системы, качественно новой информационной работы. Некоторые страны, отвечая на вызовы, пытаются либерализовать информационное пространство, что далеко не всегда положительно сказывается на состоянии коллективных мнений. Другие государства вводят в повестку дня все новые и новые ограничения, позволяющие осуществлять условный «фрейминг», «задание рамок» для коммуникативных практик; последствия подобной догматизации также не всегда хороши. Главным вопросом с точки зрения наших рассуждений является, однако, не содержание информационной политики, а ее инструментальный аспект: можно признать, что государство не до конца адаптировалось к требованиям новой медийной среды и пока в системе новых коммуникационных связей выглядит, так сказать, «белой вороной». При этом современное информационное пространство и контроль над ним являются, возможно, ключевыми параметрами политической деятельности, исходя из которых определяется не только эффективность действий конкретного игрока, но и глобальные возможности политической системы к адаптации.

Библиографический список

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58. [*Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation). NZ. 2011. No. 77. P. 14–58].
2. *Галстян А.* США и Венесуэла: перезагрузка? // Россия в глобальной политике. 2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/SShA-i-Venesuela-perezagruzka-17414> (дата обращения: 10.07.2016). [*Galstyan A.* The USA and Venezuela: restart? *Russia in Global Affairs*. 2015. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/SShA-i-Venesuela-perezagruzka-17414> (accessed 10.07.2016)].

3. *Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир? наброски на макросоциологические темы. М., 2013. [*Derlug'ian G.* How This World Works. Outlines on Macrosociological Topics. Moscow, Gaidar Institute Press, 2013].
4. *Каринцев О.И.* Государственная состоятельность в организационном измерении: К концептуальной модели сравнительного анализа эффективности государств // Политическая наука. 2011. № 2. С. 28–59. [*Karintsev O.I.* National consistency in the organizational dimension: to a conceptual model of a comparative analysis of the effectiveness of State. *Political Science*. 2011. No. 2. P. 28–59].
5. *Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В.* Социально-демографический анализ арабской весны // Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М.: Либроком / URSS, 2012. С. 28–76. [*Korotaev A.V., Khodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Yu., Khalturina D.A., Zin'kina Yu.V.* Socio-demographic analysis of the Arab Spring. *Arab spring 2011. System monitoring of global and regional risks*. Moscow, LIBROKOM / URSS Publ., 2012].
6. *Купер Р.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М., 2010. [*Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. Moscow, The Moscow School of Political Studies Publ., 2010.].
7. *Лахман Р.* От американской гегемонии – до изменения глобального климата: будущее государства // Валдайские записки. 2015. № 18. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/10951/> (дата обращения: 16.06.2016). [*Lachmann R.* After American Hegemony and Before Global Climate Change: The Future of States. *Valdai Papers*. 2015. No. 18. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/10951/> (accessed 06.16.2016)].
8. *Макарычев А. С.* Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1. [*Makarychev A.* Stability and instability under democracy: methodological approaches and evaluations. *Polis. Political Studies*. 1998. No. 1. P. 149–156].
9. *Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2011. № 2. С. 9–27. [*Meleshkina E. Yu.* Studies of State Consistency: What Lessons Can Be Extracted? Stateness in political science and political practice. *Political Science*. 2011. No. 2. P. 9–27].
10. *Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н.* Политический атлас современности. М., 2007. [*Mel'vil' A. Yu., Ilyin M.V., Meleshkina E. Yu., Mironyuk M. G., Polunin Yu. A., Timofeev I. N., Vaslavski Yu. I.* Political Atlas of Modernity: An Essay on Multimeasurable Statistical Analysis of Political Systems of Modern States. Moscow, 2007].
11. *Мухеев В., Луконин С.* Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 24–34.

- [Mikheev V., Lukonin S. China: New Development Trends in 2015–2016. *World Economy and International Relations*. 2016. No. 6. P. 24–34].
12. Никонов В.А. Государства в международных отношениях и мировой политике // Международные отношения и мировая политика: учебно-методический комплекс. М., 2014. С.199–232. [Nikonov V.A. States in international relations and world politics. *International Relations and World Politics: methodical paper*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014].
  13. Побег из Поднебесной // Лента.ру, 28.05.2015 URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/27/chinacompany/> (дата обращения: 09.07.2016). [Escape from Celestia. *Lenta.ru*. 28.05.2015 Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/05/27/chinacompany/> (accessed 07.09.2016)].
  14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. [Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. Moscow, AST Publ., 2002].
  15. Семенов В.Л. Изменится ли экономический курс Венесуэлы? // Латинская Америка. 2014. № 11. С. 40–50. [Semenov V.L. If the economic course will change in Venezuela? *Latinskaya Amerika*. 2014. No. 11. P. 40–50].
  16. Силаев Н. Возвращение варварства // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. С. 152–161. [Silaev N. A Return of Barbarism. *Russia in Global Affairs*. 2014. No. 5. P. 152–161].
  17. Спенс М. Следующая конвергенция. М., 2012. [Spence M. Next Convergence. Moscow, Gaidar Institute Press, 2012].
  18. Телин К.О. Игра в имитацию: феномен «политического пастиша» // Политэкс. 2016. №2. [Telin K.O. The Imitation Game: the Phenomena of a “Political Pastiche”. *Political Expertise: POLITEX*. 2016. No. 2].
  19. Телин К.О., Полосин А.В. Кризисный гамбит пакта Монклоа // Сравнительная политика. 2016. № 2. С. 96–105. [Telin K.O., Polosin A.V. Crisis Gambit of the Moncloa Pact. *Comparative Politics Russia*. 2016. No. 7. P. 96–105].
  20. Федорова К.С. Общество: между всем и ничем // От общественного к публичному / ред. О. Хархордин. СПб., 2011. С. 13–68. [Fedorova K.S. Society: between everything and nothing. From social to public. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2011. P. 13–68].
  21. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2007. [Friedman T. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. Moscow, AST Publ., 2007].
  22. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. [Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Moscow, AST Publ., 2006].
  23. Ханна П. Как управлять миром. М., 2012. [Khanna P. How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance. Moscow, Astrel’ Publ., 2012].
  24. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М., 2004. [Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. Moscow, 2004].

25. Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М., 2012. С. 11–44. [Yaroslavtseva A.O. Political stability: current options and implications. *Political stability: new challenges, the methodological aspects of the analysis and forecasting, regional studies*. М., RUDN University Press, 2012. P. 11–44.]
26. Ake C. A Definition of Political Stability. *Comparative Politics*. 1975. No. 2. P. 271–283.
27. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. Oxford, Oxford University Press, 2005.
28. Ben-Dor G. State and Conflict in the Middle East. New York, Praeger, 1983.
29. Dowding K., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability». *European Journal of Political Research*. 1983. No. 3. P. 229–243.
30. Eckstein H., Gurr T.R. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. New York, 1975.
31. Eckstein H. Case study and theory in political science. Greenstein F.I., Polsby N.W. (eds.) *Handbook of political science*. 1975. P. 79–138.
32. Elkins Z., Sides J. Seeking Stateness. Available at: <http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf> (accessed 12.06.2016).
33. Fukuyama F. “Stateness” first. *Journal of Democracy*. 2005. No. 1. P. 84–88.
34. Graham H.D., Gurr T.R. The History of Violence in America: a Report to National Commission on the Causes and Prevention of Violence. New York, 1969.
35. Jackson R.H. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, Cambridge University Press, 1991.
36. Houry P., Kostiner J. Tribes and State Formation in the Middle East. LA, California University Press, 1991.
37. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. New York, Pantheon, 1968.
38. Nettle J.P. The State as a conceptual variable. *World Politics*. 1968. No. 4. P. 559–592.
39. Nye J. Future of Power. NY, Public Affairs. 2011.
40. O’Donnell G., Schmitter P. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.
41. Rotberg R.I. When States Fail: Causes and Consequences. Princeton, 2003.
42. Scott J. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, CT, Yale University Press, 2009.
43. Suni P., Vesa V. Finland and Its Northern Peers in the Great Recession. ETLA Report No. 49. Available at: <http://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-49.pdf> (accessed 12.06.2016).
44. *The Politics of Policies. Economic and Social Progress in Latin America, 2006.* (In English). Available at: <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/>

6966/The%20Politics%20of%20Policies.pdf;jsessionid=109CA1BF031CE1E1952EC97361379347?sequence=1 (accessed 10.07.2016).

45. *Tihonen S.* From Governing to Governance. A Process of Change. Tampere, Tampere University Press, 2004.
46. *Tilly C.* The Formation of National States in Western Europe. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1975.
47. *Weaver R., Rockman B.* Do Institutions Matter? Government Capabilities in the United States and Abroad. Washington DC, Brookings Institution Press, 1993.

THE CRISIS OF STATENESS: CAPACITIES AND PERSPECTIVES

K. O. Telin

Candidate of Political Sciences, Researcher,
Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University

A. V. Polosin

Doctor of Political Sciences, Head of the Laboratory for Crises Studies,
Lomonosov Moscow State University

The dynamics of the modern political process often forces researchers to raise the issue of the crisis of the state and steady reduction of the government institutions' capacity to maintain the status quo achieved in the 20th century. In the article, the authors analyze studies on stateness and state capabilities, and consider the way the nature of the state power is changing under the changing conditions of the global and domestic policy.

Keywords: crisis; political system; state capacities; state capabilities; stateness.